

Татьяна Устименко

**НЕВЕЗУЧИЕ
БОГАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ
ВТОРОЕ ПРОРОЧЕСТВО**

Цикл «Хроники Рыжей»

**СУМАСШЕДШАЯ ПРИНЦЕССА
ЛИЦО ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ
ПРИНЦ ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ**

Цикл «Экзорцисты»

**ДОЧЬ ГОСПОДНЯ
ЭРА ЗЛА**

Цикл «Звезда Блентайра»

**ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ
ЗВЕЗДА МОЕЙ ЛЮБВИ
ЗВЕЗДА МОЕЙ СУДЬБЫ**

Татьяна Устименко

Звезда моей судьбы

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У80

Художник
В. Федоров

Устименко Т. И.

У80 Звезда моей судьбы: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 474 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1155-9

Если тебя предал родной отец, бросил любимый, а судьба совершила непредсказуемый поворот, то не думай, что жизнь закончилась. Йоне — наследнице трех эльфийских кланов — некогда предаваться унынию. Ее главные испытания еще впереди, ведь на карту поставлено будущее всей страны. Теперь все зависит от нее. И самые опасные враги, встречающиеся на пути молодой чародейки, — это отнюдь не маги и чудовища, а судьба, смерть и любовь, с которыми Йоне тоже предстоит сразиться. Но ведь любовь всегда оправдывает ожидание. А смерть... Разве смерть не стоит того, чтобы жить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1155-9

© Устименко Т. И., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

В каждом человеке спит неразбуженная звезда. А в некоторых она еще и похрапывает...

Неизвестный мудрец

ПРОЛОГ

В королевстве Лаганахар вряд ли найдется второе столь же прекрасное место, как Белые горы. Пушистый снег, покрывающий крутые склоны, не тает круглый год, оттого горы и получили свое поэтическое название. Не всякая птица сумеет долететь до недоступных вершин, а если и долетит, то едва ли отважится свить здесь гнездо, устранившись от лютого мороза, единолично властвующего над безжизненными снежными просторами. И даже дерзкие хищники орланы тут же торопливо поворачивают прочь, едва их зоркий глаз различит белеющие вдалеке острые пики, украшенные роскошными ледяными шапками.

Здесь нет ничего: ни деревца, ни травинки. Здесь не встретишь ни одного живого существа, а мягкое снежное покрывало никогда не пятнают цепочки следов. И только холодный северный ветер свирепо завывает в расщелинах между скал, неся с собой безразличие, одиночество и забвение. Нет такого храбреца, который рискнул бы ступить на тропу, ведущую к Белым горам, а коли такой безумец объявится, его уделом станут мучения и неизбежная лютая смерть. И если случай или обстоятельства когда-нибудь заведут тебя в Белые горы, то не шути с судьбой — выбирай другую дорогу, обходи эти опасные места стороной. Хотя ни для кого не секрет, что частенько мы выбираем дорогу, которая, казалось бы, должна увести нас от судьбы, а в итоге именно к ней и приводит.

Однако сегодня в Белых горах произошло невиданное... Замерев в величественном удивлении, высоченные каменные пики недоуменно взирали на две тощие фигуры, бесшумно

скользящие по хрусткому насту. Горы даже позабыли об издевательском эхе, должном сопровождать каждый шаг наглых пришельцев, и потрясенно молчали, не издавая ни звука. Сегодня на неприступных склонах творилось нечто невероятное, полностью нарушившее порядок, остававшийся незабываемым со времен Неназываемых...

Но двум темным фигурам, пробирающимся по заметенной снегом тропе, не было никакого дела ни до нарушенного ими мирового равновесия, ни до печальных воспоминаний, смутивших многовековую память Белых гор. Ловко цепляясь за камни, они, наклонив угловатые головы, упрямо продвигались вперед, ведомые первобытным инстинктом, способным побороть холод, страх и даже саму смерть.

Внезапно одна из фигур оторвала взгляд от земли и принялась всматриваться в расстилающуюся вокруг снежную пустыню. Край кожистой складки, прикрывающей голову и издавела сильно смахивающей на капюшон дорожного плаща, чуть сдвинулся, открыв узкую, вытянутую морду животного, оканчивающуюся зубастой пастью. В темных глазах клубился хаос, отражающий злобную жажду крови. Эта жажда и вела вперед двух гхалий, древних тварей, поднятых из каменных гробов, хранящихся в недрах храма Песка.

Гхалия, идущая первой, вздернула к небу уродливую морду и протяжно завывала, выводя рулады охотничьей песни. Почуяла добычу... Ноздри острого носа затрепетали. Тварь перешла на рысь, уверенно следуя выбранному пути. Вторая гхалия не отставала от товарки, столь же неутомимо приминающая твердый наст. Когтистые шестипалые лапы не скользили по льду и не проваливались в глубокий снег; поджарые тела не ведали усталости, а полумагическая сущность не испытывала потребности в отдыхе и сне. Им требовалась только пища— особенная, свежая, горячая. Толстые тела гхалий покрывала крепкая чешуя, пробить которую не способны ни дерево, ни железо. Складки естественного кожного покрова защищали охотниц Тьмы от любой непогоды. Они не нуждались в оружии, ибо огромными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями они могли наносить противнику страшные смертельные раны. Гхалии отлично видели в темноте. Они не го-

рели в огне и не тонули в воде. Они не знали жалости. Может, у них и были уязвимые места, но об этом не ведал никто. Никто?.. Но разве так бывает?..

Гхалии никогда не задавались вопросом, куда и зачем они идут. Они интуитивно ощущали то главное, что вело их вперед: нечто притягательное и зовущее, заставляющее делать следующий шаг. Все остальное было для них неважно. А источником этого властного зова служила тонкая прядка черных, длинных, красиво выющихся волос, зажатых в лапе первой гхалии. Этот локон еще не утратил нежнейшего лавандового аромата и, очевидно, когда-то принадлежал молодой девушке. От прикосновения к этим волосам у гхалий еще сильнее темнели и без того черные глаза, а из клыкастых пастей начинала сочиться голодная слюна, вызванная образом желанной жертвы, который немедленно возникал в мозгу. Невысокая худенькая девушка с чуть заостренным подбородком и сиреневыми глазами в золотистую крапинку. Да, ее кровь должна быть сладкой, очень сладкой...

Охотница Тьмы собственнически погладила прядь черных волос. Кадык тяжело дернулся, и гхалия ускорила шаг, ведомая голодом. «Найди Наследницу и убей ее!» — непрерывно бились в мозгу слова змееликой богини Банрах. И гхалия понимала, что продолжит бежать вопреки всему и не сможет остановиться до тех пор, пока не настигнет добычу и не исполнит предназначенное...

Часть первая

НАСЛЕДНИЦА

ГЛАВА 1

— Да тебя даже послать некуда! — разочарованно сообщила Ребекка, спихивая ладонь Беонира, фривольно улегшюся на ягодицу. — Ты и так уже везде побывал!

— Ага! — радостно подтвердил юноша, ничуть не смутившись, и начал последовательно перечислять, загибая пальцы: — На Зачарованном берегу, в Черных холмах, на Лиднейском болоте, в степи, в Пустоши... Йона! — позвал он, отвлекая меня от возни с малышкой мантикорой. — А куда мы двинемся теперь?

— Куда? — Я рассеянно подняла голову, стараясь не уронить кусочки вяленого мяса, которыми кормила прожорливую, как гусеница, Мифрил. — В долину Дурбан. Куда же еще?

— Зачем? — Ниуэ неприязненно передернул плечами, опасливо косясь на воительницу, которая, ехидно ухмыляясь, делала движения пальцами, словно пересчитывала возвращенный ей долг. Правда, пока еще не супружеский...

— Искать последних драконов, — терпеливо вздохнула я. — Мне нужно пламя дракона.

— Ага! — злорадно потеряла ладони Ребекка. — И я от убитого в мою честь дракончика не откажусь. Драконьи зубки — на ожерелье, шкуру — на сапожки...

— И от убитого в твою честь жениха ты тоже не откажешься? — невинным голосом осведомился Беонир, задумчиво ковыряя щепочкой в зубах. — На ожерелье, на сапожки...

— А как же обещанный подвиг? — подначивающе улыбнулась я.

Несчастный влюбленный крепко стиснул челюсти. Щепочка сломалась.

— Между прочим, тебя, любимый, никто за язык не тянул! — язвительно промурлыкала вредная невеста. — Подвиг может совершить и безумец, а вот на настоящие геройские поступки способен только влюбленный!

— Или дурак! — буркнул Беонир, но воительница его улышалась.

— Влюбленный дурак! — метко уточнила она. — Коего и имеем в действительности.

Ниуэ сердито фыркнул, но ничего не сказал, решив не продолжать их бесконечный спор. Уж ему-то давно известно: в принципе женщина могла бы и промолчать... Да вот беда — нет у Ребекки такого принципа!

Я довольно улыбнулась, продолжая кормить кусочками вяленого мяса Мифрил, доверчиво разлегшуюся у меня на коленях. Авось эти двое то ли влюбленных врагов, то ли враждующих влюбленных однажды найдут общий язык, помиряются и обретут счастье. Ведь иногда шаг навстречу близкому человеку становится самым долгим путем в нашей жизни. А нам этих шагов, причем всяких-разных, предстоит сделать ой как немало...

Глубоко вздохнув, я подхватила на руки заметно потяжелевшую за последнюю неделю мантикору и поднялась на ноги, без слов сигнализируя: «Привал закончен, пора снова выступить в путь». С появлением Мифрил в нашем отряде прибавилось как веселья, так и хлопот. Самой насущной проблемой оказалась конечно же нехватка пищи. Запасы таяли не по дням, а по часам — отчасти благодаря нам самим, но в основном по причине растущего аппетита моей подопечной. Впрочем, в этом не было ее вины — ведь малышка росла и нуждалась в еде. Мифрил охотно поглощала все, что ей давали. Ее когтистые кошачьи лапки наливались силой, но пока еще не поспевали за размашистым шагом Беонира или ловкими прыжками Ребекки. Поэтому большую часть времени Мифрил спокойно сидела у меня на руках, забавно вертя головенкой и восторженным клекотом приветствуя каждую новую достопримечательность, встречающуюся на нашем пути. А полюбоваться и правда было на что.

Пару дней назад наша дорога пролегла через рошу с кле-

нами и ясенями. Печально раскачивая на ветру ветвями и сбрасывая первые пожелтевшие листья, деревья предупреждали путников о приближении осени. Небо меняло цвет, нехотя сдавая позиции: фиолетовый фон выцвел до бледно-лилового, мелькали красные всполохи. Облака нависали все ниже, близился сезон дождей. Осень настойчиво стучалась в двери, требуя впустить ее в мир. «Смиритесь с моим приходом! — словно взывала она. — А иначе я войду без приглашения...» Но, поглядывая по сторонам, я ничуть не возмущалась настойчивостью природы: подобно ей, я тоже ощущала себя незваным гостем, нахально пробирающимся в чужой дом. Сегодня мы оставили за спиной желто-красные рощи и вступили в узкую, усыпанную каменными обломками долину. Интересно, нас здесь ждут?..

— Это осколки мрамора! — сообщил ниуэ, с любопытством повертев в руке подобранный с земли камень.

— Знаменитый дурбанский, — согласно кивнула воительница, наклоняясь и выбирая осколок покрасивее. — Пожалуй, возьму на память.

Я равнодушно пожала плечами. Сейчас меня мало волновали окружающие красоты: голод и страх неустанно терзали тело и душу. Надвигалось очередное полноуние¹, и вся фигура шедшего впереди Беонира выдавала его нервное состояние и плохо скрываемое беспокойство. Ребекка бодрилась, изредка подзадоривая то своего мрачного жениха, то задумчивую меня. А я еще плотнее прижимала к себе теплую, пушистую Мифрил и надеялась, что хотя бы мантикора не страдает от голода так же сильно, как мои спутники. Видят Незываемые, я делала для них троих все что могла...

Поздним вечером этого же дня мы сидели возле весело потрескивающего костра и вполголоса спорили, решая, что делать дальше.

— Я, конечно, не охотница, но кое-что умею... — без особого воодушевления заявила Ребекка.

---

¹ Фаза Уны, при которой она находится в противоположном от Сола направлении и видна с Земли как полный диск.

— Кое-что? — передразнил Беонир. — А как же твоя хваленая военная подготовка? Ты нам о ней все уши прожужжала.

— Когда у женщины точно такие же сапоги, как у ее спутника, то это не мода — это ночной дозор Блентайра, — хихикнула воительница. — И учти, там мы ловили не жратву, а преступников.

— Так ловили же, — не отставал ниуэ. — Не вижу разницы.

— Разница состоит в том, что одна дает, а другая — дразнится! — огрызнулась его любимая язва, вгоняя юношу в краску. — Плохо, что у меня в арсенале только акинаки, даже лука нет, ведь Беонир потерял его во время бегства из храма Песка...

Юноша виновато шмыгнул носом, но лайил и ухом не повела, игнорируя его робкую попытку извиниться.

— Да и леса-то настоящего уже не видать — не за тушканчиками же мне гоняться с мечом? — невозмутимо продолжила она.

— А с чем за ними гоняются? — невпопад поинтересовалась я, мысленно рисуя себе картинку жирной тушки, нанизанной на прутик и аппетитно подрумянивающейся над костром. Голодная слюна непроизвольно наполнила рот, и я шумно сглотнула.

— С силками, сплетенными из конского волоса, — компетентно пояснила воительница. — Но поскольку коня у нас нет, а есть только блохастый мерин, — она ехидно покосилась на ниуэ, — значит, наше «есть» приравнивается к «сдохнуть от голода»! — Воительница задиристо расхохоталась, чрезвычайно довольная этим свежеиспеченным каламбуром.

— Держи, мне не жалко! — Юноша вмиг собрал в пригоршню свои длинные волосы и отхватил их ножом, а затем бросил отрезанные пряди на колени оторопевшей Ребекке. — Лови тушканчиков!

— Не получится, — смущенно промямила девушка, растерянно перебирая светлые локоны. — Они у тебя слишком гладкие... Были... — с сожалением уточнила она. — Зря прическу испортил!

— Значит, тушканчики отменяются, — прервал ее Бео-

нир. — Хотя еды у нас осталось от силы дня на три. К тому же завтра — полноуние...

— Может, здесь поблизости найдется какая-нибудь деревня? — неуверенно спросила я, заботливо баюкая завернутую в мой плащ сладко спящую мантикору.

— Вряд ли. Я уже просмотрел все карты, в округе ни одного населенного пункта. Да и сама посуды — ну кому охота селиться на отрогах Белых гор, в холоде, да еще рискуя быть погребенным лавиной?

— Конечно, ты прав, — грустно признала я.

— Послушайте, ваши унылые физиономии напоминают мне прокисшую брагу! — Ребекка гневно сверкнула глазами и повысила голос: — Еще немного — и вы похороните себя заживо, клянусь моими мечами! Начнем с того, что сейчас осень, а значит, полно ягод и всяких плодов. Как-нибудь перебьемся!

Мифрил, потревоженная громкими звуками, встрепенулась и беспокойно завертела головой, высунув ее из складок теплой ткани. Я с нежностью посмотрела на свою питомицу. За последние дни между нами установилась прочная ментальная связь, которая, полагаю, неразрывно соединила нас на всю оставшуюся жизнь. Я могла бы поклясться, что без слов понимаю ее мысли и просьбы, предугадываю желания и потребности, но не знала, благодаря чему это происходит. Возможно, причиной тому стал чудесный медальон «Ловец ветра» или же моя интуиция, резко обострившаяся благодаря перенесенным испытаниям. К счастью, наша с Мифрил симпатия оказалась взаимной. Вообще, мантикора обладала довольно ершистым характером и по-разному относилась к каждому члену нашего небольшого отряда. Эта крылатая кроха весьма недолюбливала язвительную лайил. Ребекка в шутку говорила, что Мифрил, находясь в яйце, слышала, как она насмешничает над ней, и теперь мстит. Мантикора так и норовила подобраться поближе к лайил и поддеть клювом. Реакция у воительницы была отменная, и поэтому мантикоре никак не удавалось застать ее врасплох. Ребекка тоже не оставалась в долгу: легонько дергала Мифрил за хвост или де-

монстративно щелкала ее по голове костяшками пальцев. Их игривое противостояние забавляло нас с Беониром.

Кстати, с самим ниуэ все обстояло совсем по-другому. Мифрил прониклась уважением к юноше, и это чувство было взаимным. Беонир относился к мантикоре чрезвычайно серьезно, тем самым признавая за малышкой право на самостоятельность. Мантикора никогда не заигрывала с ниуэ, но если тот изучал карты, найденные нами в разрушенном городе Ил-Кардинен, она непременно усаживалась рядом и, устроив голову на сгибе его руки, разглядывала свитки. Ребекка иронично фыркала, а я лишь улыбалась. Беонир не прогонял прилипчивую мантикору — наоборот, всем видом давал понять, что рад ее присутствию. Они стали настоящими друзьями, безоговорочно признавшими личные достоинства друг друга. Что же касается недостатков — так у кого их нет?

Без ложной скромности могу заявить, что меня Мифрил обожала. Я охотно играла с ней во время стоянок, делилась изрядной долей своего пайка и искренне радовалась, что малышка быстро растет. Напустив на себя вид всезнайки, Беонир излагал подробности анатомического устройства мантикор, ссылаясь на книги, прочитанные в подземельях Блентайра. Он сообщил, что мантикоры достигают размеров взрослого животного, а потом растут мало и в основном вширь. Ну и век их, понятное дело, много дольше человеческого. Но в обширных знаниях ниуэ зияли пробелы: в породах мантикор юноша, к сожалению, разбирался плохо. К счастью, он знал главное: в древние времена эльфы из Полуночного клана скрестили обычных мантикор с грифонами, выведя особый боевой подвид. Такие летуны отличались огромными размерами, а вместо уродливой морды, являющейся пародией на человеческое лицо, имели гордые орлиные головы с внушительными клювами.

Эти животные считались вымирающим видом. На территории Лаганахара действовал особый закон, строго-настрого запрещающий убивать мантикор. Время от времени для поиска их гнезд снаряжались специальные экспедиции. Но ни одна из экспедиций не могла похвастаться положительным результатом: никаких гнезд так и не обнаружилось. Логова

манतिकор называли «гнездами» только потому, что эти существа умели летать. На самом деле обитали они в горных пещерах, на труднопроходимых холмах и скальных грядках. Впрочем, все эти сведения — всего лишь наши домыслы, основывающиеся на старинных сказках и легендах. Сами манतिकоры давно канули в небытие, исчезли вместе с эльфами, покинувшими Блентайр.

Я рассказала Беониру о мозаике с мантикорами, которую увидела в Немеркнушем Куполе. Ниуэ призадумался: согласно легендам, эльфы из клана Повелителей манतिकор передвигались именно на черных летунах, а никак не на белых...

— Они обладали огромными размерами, были покрыты черным оперением и летали совершенно бесшумно! — мечтательно закрыв глаза, сообщил он. — Поэтому их еще называли тенями...

Да, но моя-то Мифрил белая! Ослепительно-белая, как снег в горах, как небесная посланница Неназываемых! В рассветных лучах Сола ее перышки отливают перламутром, а умные золотистые глаза блестят, словно драгоценные камни из ожерелья эльфийской королевы. Нет, названия такой породы Беонир не знал.

Я вырвалась из плена своих мыслей, улыбнулась вдохновенной речи Беонира и широко зевнула:

— Давайте сначала переживем полноуние, а затем отправимся по грибы и ягоды, хорошо? А то так спать хочется-а-а-а...

Полноуние неминуемо приближалось, и весь следующий день мы посвятили поискам подходящего дерева, способного выдержать натиск посаженного на цепь ниуэ. Эту железную привязь Ребекка умудрилась не потерять даже в храме Песка: вынесла ее в своем заплечном мешке. Определенно за сохранность наших жизней воительница переживала куда больше, чем за сытость желудка. А сей факт наводил меня на некоторые размышления, впрочем, требующие дальнейшего подтверждения. К сожалению, тонкие и редкие осины, нечасто встречающиеся в округе, решительно не устраивали Беонира, так что лайил в конце концов не преминула поддеть нашего подопытного:

— Хей, лохматый, да ты, никак, теперь в пещерного дра-

кона превращаешься вместо пса. Не дрейфь, мы тебя пристегнем сразу к трем деревьям для надежности.

— Не смешно. — Печальный взгляд юноши вынул болтунью прикусить язык. — Я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

— Ладно, не злись, — примирительно буркнула девушка и подошла к высокому, мощному островязу, затесавшемуся среди стройных молодых осин. — Вот гляди, что я для тебя нашла. В самый раз.

Несчастный ниуэ даже не пытался уговорить нас устроиться на ночлег. Он знал, что его скорбный вой разбудит всю округу, а такое пробуждение не несет ничего приятного. Мы с Ребеккой уселись на расстеленный плащ, устроившись спиной к спине. Воительница выторговала себе право сидеть, повернувшись к Беониру лицом. Ребекка по своей всегдашней привычке использовала это как очередную возможность высмеять Беонира, но я понимала, что в действительности она хочет поддержать своего возлюбленного.

Итак, неминуемое приближалось. Черное ночное небо выглядело отвратительно, обложеное плотными облаками, словно лентой — подушками. Бледная Уна нехотя выглядывала из-за туч. Было ощущение, будто сама судьба подсматривает за нами одним глазом. Наверное, ей тоже хотелось узнать, чем закончатся неприятности, преследующие нас с завидной настойчивостью. Я сердито хмыкнула, мысленно показывая своей вечной сопернице увесистую дулю, сложенную из не слишком чистых пальцев. «А вот попробуй-ка прожевать такое угощение! — мысленно предложила я. — И имей в виду, дорогая, мы и в этот раз выкрутимся назло тебе!» Как это ни парадоксально, но вопреки всем бедам и в пику здравому смыслу я опять не желала верить в плохое, а надеялась только на лучшее!..

Ближе к середине ночи вой Беонира стал таким горестным, что разбудил даже Мифрил. Крошка мантикора проснулась и возмущенно зашипела. Мы с Ребеккой удивленно наблюдали за тем, как она, уже довольно твердо держась на лапках, поднялась со своего места, протопала вперед и встала точно между нами и скрючившимся на цепи ниуэ.

— Ишь ты, фу-ты ну-ты как она выпендрилась! — недоверчиво выдохнула лайил, пока я брала Мифрил на колени и успокаивала. — Защитница, однако, растет! Поверь мне на слово, когда-нибудь она здорово тебе поможет.

— Сегодня ночью нам придется туго, и Мифрил это чувствует, — печально предположила я.

Лайил озадаченно почесала в затылке:

— Зато я — нет! Йона, ну-ка, взгляни на нашего героя.

Я подняла глаза на Беонира, прикованного к островязу, и изумленно ахнула...

Джайлз подобрал небольшую горбушку черного хлеба, заброшенную в оконце, приоткрывшееся на двери их камеры, и произнес дрожащим голосом:

— Это все, что досталось нам сегодня. А вода закончилась еще вчера. — Он провел пальцем по дну измятой жестяной миски, одной на двоих.

Узел лохмотьев в углу пошевелился, испустил громкий зевок и развернулся, превратившись в высокого худого мужчину с пронзительным взором темных, умных, глубоко посаженных глаз.

— Нам не привыкать, — сказал он. — Ты, главное, спи побольше, чародей. Сон экономит силы и перебивает голод.

— Что-то незаметно, — скептически хмыкнул молодой маг, протягивая краюшку Беодару. — Мой желудок с тобой категорически несогласен.

— Управляй своими чувствами и не позволяй им управлять тобой. — Бывший воин поровну разделил горбушку. Оценивая поспешил посмотреть на Джайлза, горестно баюкающего культю правой руки, на его серую кожу, туго обтягивающую челюсти, на ввалившиеся щеки. Разломив свою долю еще пополам, отдал другу часть порции, командным жестом пресекая слабые возражения: — Ешь! Ты молод и не привык к лишениям.

Джайлз благодарно кивнул, медленно жуя смешанный со слезами хлеб и наслаждаясь каждой крошкой. Теперь эти грубые корки — подгорелые, испеченные из ржаной трухи, казались ему слаще самого изысканного яства. Он уже не сты-

дился ни своих слез, ни седых прядей, появившихся в рыжих волосах, ни однорукой неловкости. Когда-то он считал себя сильным и наслаждался магическими способностями, бравирюя задором и дерзостью, упиваясь преклонением горожан. Он важничал, изображая из себя того, кем еще не стал. Сегодня же он понимал: действительно сильные мужчины не боятся проявления искренних чувств. Фальшь же отнюдь не является признаком силы. Жаль, что прозрение пришло к нему слишком поздно. Джайлз чувствовал, что умирает, ничего не достигнув в жизни. Не приласкал любимую женщину, не вырастил детей... Он проиграл и, признав свое поражение, готовился сдаться. Видят Неназываемые, пытка, придуманная сьеррой Клариссой, оказалась для молодого чародея слишком тяжелой. Он не вынес испытания забвением и впал в отчаяние.

— Не носи в себе это, — спокойно посоветовал Беодар. Все это время он внимательно наблюдал за магом. — Хуже будет. Ты скорбишь об утраченной подруге?

Джайлз утвердительно кивнул. Ниуэ назидательно изрек:

— Женщины не любят, когда мужики забиваются в угол и молча страдают. Пьют, жрут всякую дрянь, с ума сходят... Женщины не уважают страдальцев. Страдальцу можно сочувствовать, можно его жалеть, можно ему помогать — но уважать нельзя. Женщина хочет иметь счастливое потомство от счастливого мужчины. А если мужик страдает, значит, и дети его будут страдать. Страдальцы никому не нужны. Будешь страдать — твоя девушка никогда к тебе не вернется.

— А она и так не вернется! — Чародей жалобно шмыгнул носом и вытер рукавом мокрые щеки. — Ее отправили на поиски испытаний и... — Он замолчал.

— И она их не прошла, — догадался Беодар.

— Я ее потерял, — мрачно подытожил чародей.

— Глупости! — рассмеялся ниуэ, посасывая кусочек хлеба. — Пока мы живы, ничего не потеряно. Надо верить в лучшее!

— Ты предлагаешь мне тешить себя иллюзиями? — ужаснулся маг. — Пробуждаешь в моем сердце детскую веру в чудеса? Но зачем?

Беодар поднялся с пола и прошелся по камере, с удовольствием разминая затекшие от долгого лежания ноги и руки. Джайлз уважительно наблюдал за его упражнениями, в который раз пораженный телом ниуэ — сухощавым, поджарым, но крепким и жилистым. И не менее удивительным были потрясающее жизнелюбие этого загадочного узника, его стремление выстоять наперекор беде, а также уверенность в том, что спасение придет рано или поздно. «Вот только бы оно не пришло слишком поздно!» — подумал Джайлз.

— Надеяться на счастье нужно, — между тем убежденно продолжил ниуэ. — Но не вздумай его дожидаться, иначе вспугнешь. — Он задорно рассмеялся. — Просто иди к нему навстречу, и тогда оно поверит в тебя столь же сильно, насколько ты сам веришь в него!

— Глупости, — строптиво буркнул чародей, невольно повторяя реплику друга и пряча лицо в обрывки своего некогда роскошного плаща. — Зря ты меня утешаешь. Мы обречены на смерть, мир от нас отвернулся...

— Интересная позиция, — насмешливо протянул воин. — Сделай милость, объясни, отчего это происходит? Ты — молодой, сильный, умный — решил сдаться и не хочешь изменить мир?

— Я его менял, — протестующе крикнул юноша. — Менял как умел и пока мог. Каждый день. Я работал. Я учился. Я любил своих друзей и свою девушку. Если я вижу, что кто-то ведет себя неправильно, я подхожу и даю ему по шее. Это мой способ изменить мир. Я не как вы, я не сражался на поле битвы... Я не такой умный, как хотелось бы. Я не могу придумать что-то гениальное. Я не управлял народами и не восставал против зла. Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растритить ребенка. Так я меняю мир.

— Знаешь, а ведь ты добился впечатляющих результатов, — серьезно произнес ниуэ, беря Джайлза за подбородок и заставляя посмотреть себе в глаза. — Прошу, потерпи еще чуть-чуть, подожди немного — и уверяю, тебе представится шанс сделать для нашего мира гораздо больше!

— Когда? — всхлипнул чародей, просительно вцепившись

в пальцы старшего товарища по несчастью. — Доживем ли мы до этого времени?

— Доживем, — уверенно ответил Беодар. — Нужно лишь подождать.

— Кажется, мы с тобой поменялись ролями, — слабо улыбнулся маг. — Нынче ты убеждаешь меня, что еще не все потеряно.

— А как иначе? — удивленно откликнулся ниуэ. — Люди на то и люди, чтобы поддержать друг друга в момент слабости, не бросить в момент радости и не добивать в час горести. Люди умеют верить, любить и ждать.

— В ожидании крепчает характер, слабеет надежда и умирает любовь, — пессимистично заявил Джайлз, но его чуточку повеселевший голос указывал на то, что Беодару все-таки удалось немного развеять отчаяние, овладевшее молодым магом. — Да и существует ли она, эта вечная истинная любовь?

— Не смей сомневаться в себе! — отчеканил ниуэ, решительно сжимая кулаки. — Запомни мои слова, мальчик. Тот, кто хоть однажды ощутил себя человеком, уже никогда не превратится в слабую, дрожащую тварь. А любовь... Как может умереть то, на чем держится мир? Чудо любви возможно в полной мере постичь лишь тогда, когда мы к нему готовы. Каждый день любовь посылает нам возможность изменить обстоятельства, что делают нас несчастными. И каждый день мы пытаемся притвориться, будто не замечаем этой возможности, будто ее не существует вовсе... Но тот, кто пристально всмотрится в свою жизнь, обязательно найдет этот волшебный миг. И такой миг настанет — день, когда сила звезд и небес проникнет в нас и позволит творить чудеса. Иногда счастье приходит как ниспосланная свыше благодать, но чаще всего это наша личная победа. Волшебный миг уверенности в себе помогает преобразиться и заставляет отправиться на поиски своей мечты. На этом пути нас ждут горести, страдания и лишения, но нужно двигаться вперед, ведь все плохое тоже когда-нибудь заканчивается. А потом мы сможем бросить взгляд назад, гордые тем, что не сломались, сохранили веру в любовь. Несчастен тот, кто боится рисковать, кто не верит в настоящую любовь. Вероятно, такие люди не

познали разочарований, их иллюзии не рассыпались в прах. Такие люди не страдают и не умеют плакать в отличие от тех, кто стремится обратить мечту в реальность... Полно, да люди ли они вообще? У этих неудачников есть лишь один выход: заставить себя научиться отдавать, а не только брать. Если они это сделают, то даже капли дождя, падающие на их щеки, обретут другой вкус. Любовь — это сплошные капканы. Заманивая нас в свои сети, она показывает лишь свет, а порождаемые им тени скрывает и прячет. Но тот, кто не будет страшиться тени и не убоится расставленных на пути ловушек, обретет истинную любовь и уже никогда ее не потеряет! Верь в это, обязательно верь...

— Ой, что это с ним? — спросила я, вытаращенными от изумления глазами рассматривая Беонира.

— Ничего, — задумчиво процедила Ребекка, рукоятью меча почесывая свою взъерошенную макушку. — В том-то и дело!

Я переложила на плащ успокоившуюся Мифрил, встала и, передвигаясь мелкими шажками, осторожно приблизилась к несчастному ниуэ.

— Как себя чувствуешь? — дрожащим от волнения голосом осведомилась я, ожидая самого невероятного ответа. — Тебе плохо?

— Да хорошо ему, хорошо! — радостно гоготнула лайил у меня за спиной. — Подтверди, лохматый, не фиг нам нервы зазря мотать.

Беонир утвердительно кивнул, взирая на меня не менее вытаращенными глазами. Я растерянно прикусила нижнюю губу, силясь отыскать адекватное объяснение происходящему.

Нынешней ночью, в полноуние, с Беониром ничего не произошло. Понимаете? Ни-че-го-шень-ки! Его не постигла трансформация. Он остался прежним, сохранив безупречно человеческий вид. А выл ниуэ исключительно от испуга, панически страшась того, что снова окажется способен нас растерзать. И сейчас выяснилось, что наши опасения были напрасными.

Я присела на корточки возле неподвижно лежащего на земле Беонира, секундочку подумала, а затем протянула руку

и расстегнула прикрепленный к цепи ошейник, затянутый на шее юноши.

— Ай, а вдруг... — запоздало дернулась воительница: если бы что-то случилось, она бы все равно не успела меня защитить.

— Не вдруг, — улыбнулась я, ободряюще похлопывая нику по плечу.

— Ой, а если...

— Никаких «если», — рассмеялась я. — Все закончилось. — Я указала на первые лучи Сола, трепетно окрашивающие небосклон в нежнейший розовый цвет. — Ночь миновала, а с нами не приключилось ничего плохого.

— Но почему? — Не веря себе, юноша ощупывал свои руки и ноги так бережно, словно прикасался к хрупкому хрустальному сосуду. От волнения и возбуждения Беонир покрылся легкой испариной. — Почему я не стал зверем?

— Потому, что ты стал человеком! — победно провозгласила я, накидывая плащ на его обнаженные плечи. — Полагаю, на тебя частично повлияла моя лекарская магия, усиленная благотворным воздействием целебной почвы Черных холмов. Кроме того, сказываются новые качества, выработанные тобой на протяжении нашего пути: смелость, доброта, совесть, умение сострадать чужой боли. Поздравляю, ты стал тем, кем и хотел быть, — человеком!

— Но это же невероятно! — Беонир всплеснул руками и спрятал лицо в ладонях, стремясь скрыть слезы, хотя я не находила ничего постыдного в подобном проявлении радости.

— Все это вполне реально. К тому же я верю в чудеса, в возможность достичь счастья, — спокойно улыбнулась я и зевнула. — А не пора ли нам отдохнуть? Клянусь Неназываемыми, сегодняшняя ночь стала менее драматичной, чем ожидалось, но от этого не менее волнительной...

— А ведь ты права, Наследница, — с чувством добавила Ребекка, растянув губы в довольной улыбке. — Кстати, превращение постигло не только нашего блохастого товарища, но и меня. До сего момента я не обращала внимания на тот факт, что давно не испытываю потребности в крови. Похоже, я навсегда избавилась от своей порочной склонности!

— Поздравляю вас обоих! — Я улеглась рядом с Мифрил и прикрылась краем плаща. Мои веки смыкались сами собой. — Теперь у вас начинается новая жизнь, так будьте же достойны своего высокого звания.

— Человек! — мечтательно протянул Беонир, усаживаясь напротив меня и восторженно смакуя непривычное, но столь желанное для него слово. — А как полагается жить настоящему человеку, Йона?

Я вздохнула от досады, почти рассерженная его неумным любопытством. Но Ребекка пристроилась под боком у своего возлюбленного и устремила на меня столь же настойчивый, испытующий взгляд. Стало понятно, что приставания прекратятся, только когда я утолю жажду знаний, терзающую обоих моих друзей. Наконец я сдалась и заговорила:

— Как вы помните, в заброшенной эльфийской библиотеке я обнаружила Первую Книгу. Так вот, в ней содержалась одна старинная притча...

— Так расскажи нам ее немедленно! — нетерпеливым дуэтом завопили ниуэ и лайил.

— Хорошо, расскажу. Но только в том случае, если вы не станете меня перебивать, — хитро улыбнувшись, потребовала я.

Беонир тут же закрыл рот, а Ребекка еще и прижала к губам ладонь, показывая, что будет нема как рыба.

Я иронично фыркнула и неторопливо начала:

— В давние-давние времена прекрасным Блентайром правила великая эльфийская королева, славящаяся непревзойденной мудростью. Однажды этой венценосной особе приснился удивительный сон. Ей снилось, будто по своей излюбленной привычке она пришла в лавку, торгующую диковинными вещами, но вместо знакомого торговца увидела за прилавком самого бога Шарро. «Владыка мой! Это ты!» — с радостью воскликнула королева, не осмеливаясь поверить своим глазам. «Да, это я!» — ответил пресветлый бог. «Ты решил развлечь себе торговлей? — догадалась умная женщина и задорно рассмеялась. — А что у тебя можно купить?» «У меня можно купить все, — с наигранной скромностью развел руками Шарро. — Выбирай». «В таком случае дай мне, пожа-

луйста, здоровья, счастья, уважения, успеха, славы и много любви!» — совсем расшалилась королева, забыв о своем высоком статусе. Но пресветлый бог ничуть не обиделся на столь легкомысленное поведение ее величества, наоборот, он поощрительно улыбнулся и ушел в подсобное помещение, чтобы собрать заказанный товар. Вскоре он вернулся, неся маленькую бумажную коробочку, которую и подал королеве. Та смотрела, ничего не понимая. «Как, и это все?!» — воскликнула удивленная и разочарованная женщина. «Да, это все! — кивнул бог и добавил: — Разве ты не знала, что в моей лавке продаются только семена?..»

После этой фразы я замолчала, решительно повернулась на другой бок, натянула на себя полу плаща и укрылась им с головой. Я полагала, что на сегодня разговор с друзьями закончен, и намеревалась с толком использовать честно заслуженный отдых. Но не тут-то было...

Тишина соблюдалась минут пять, после чего Ребекка прихлопнула отвисшую нижнюю челюсть и последовала примеру древней королевы.

— Как, и это все? — во весь голос возмущенно завопила она, ибо не обладала королевским тактом и сдержанностью.

— Ага! — иронично буркнула я.

— Но мы ничего не поняли, — пожаловался более скромный Беонир. — Видимо, мудрость бога предназначается не для нас.

— Вот все бы вам разжевали да в рот положили! — сердито буркнула я, ворочаясь под плащом. — Суть притчи такова: каждый из нас получает при рождении лишь семена своих будущих качеств, крохотные задатки, которые нам предстоит самостоятельно возвращать и развивать. А то, что из них вырастет, зависит только от нас самих.

— Но... — нерешительно встряла Ребекка, нарушая наш уговор. — Каким образом твоя притча согласуется с нашей ситуацией?

Я сердито стукнула кулаком по земле и пояснила:

— Став людьми, вы получили семена своей будущей личности. Так не дайте же этому бесценному дару превратиться

в никчемные сорняки. Употребите его правильно, с пользой и по назначению. Понятно?

И уж кто меня точно понял, так это морская раковина, голосом принцессы Лорейны тихонько напевающая у меня в сумке:

Куда идешь ты, человек?
Чего ты ищешь в этом мире?
Пируешь за столом в трактире
И, душу загубив навек,
Бездумно струны рвешь на лире...

Зачем же ты приходишь в мир?
Сокровищ и чудес желаешь,
О боге часто забываешь
И, как волшебный эликсир,
Чужие жизни выпиваешь.

Готов ли ты познать любовь
Не как безделицу и шутку,
Не как забаву на минутку,
А как обмен на плоть и кровь,
Не подчиненный предрассудку?

Мечтаешь жизнь прожить не зря?
Не сгинуть, всеми позабытым,
Болезнью и вином разбитым,
А, словно яркая заря,
Уйти счастливым, знаменитым?

А ты достоин чести той?
Тогда, коль странствий не боишься,
Иди туда, куда стремишься,
И там, сроднившийся с мечтой,
Ты к новой жизни возродишься...

Друзья молчали, осмысливая мои слова. Не дождавшись их ответа, я положила ладонь под щеку и тотчас провалилась в глубокий сон без сновидений, утомленная событиями минувшей ночи. Хватит с них подсказок. Думаю, каждый должен иметь возможность самостоятельно разобраться со своими жизненными принципами, без чужих советов расставить приоритеты и ориентиры. Я вовсе не собираюсь присваивать

себе роль учителя или наставника, ибо сама еще не волшебница, а только учусь. Да и вообще, чужая душа — потемки! И нечего шарить в темноте, а то так можно навернуться, что мало не покажется!..

Мы продолжили путешествие только после обеда, позволив себе хорошенько выспаться. Обещанные Ребеккой ягоды попадались крайне редко, зато ближе к вечеру хлынул дождь. Изредка поднимая голову, поправляя насквозь промокший капюшон и вытирая мокрый лоб, я пытливно всматривалась в даль, явственно различая проявившиеся впереди очертания двух огромных холмов и узкий проход между ними. Здесь начиналась долина Дурбан, преддверие Белых гор, овейанных древними легендами, в равной степени страшными и притягательными.

«Разумеется, лезть сюда жутко опасно, — размышляла я, с сомнением разглядывая крутые склоны холмов, нечетко проступающие сквозь пелену дождя. — Пожалуй, мы совершаем самую большую ошибку в жизни. Конечно, все имеют право на глупость... Вот только некоторые упертые дурочки вроде меня этим правом злоупотребляют...»

— Эти холмы даже названия имеют зловещие. — Беонир осторожно развернул карту, стараясь уберечь ее от проливного дождя, и увлеченно водил пальцем по пергаменту, разбираясь в путеводных значках, выцветших от старости. — Малый Дракон и Большой Дракон...

— Ничего себе! — присвистнула воительница. — Йона, признайся честно, мы там неприятностей на свои пятые точки не огребем?

Я украдкой вздохнула, пряча лицо. Когда к тебе обращаются с просьбой: «Скажи мне, пожалуйста, только честно», с ужасом осознаешь, что сейчас придется много и вдохновенно врать. А врать — это нехорошо! Но куда прикажете деваться?

— Ничуть! — с наигранным оптимизмом поспешила заверить я. — Впереди нас ожидают сущие мелочи: надо всего лишь найти дракона и попросить у него пламя.

— Попросить? — недоверчиво переспросила подруга. — А если он не даст?

— Даст, куда он денется, — уверенно заявила я, прекрасно понимая: иногда лучше конкретно соврать, чем расплывчато мямлить.

— Куда? — иронично хмыкнула Ребекка. — Ты мне лучше скажи, куда денемся мы, если дракон откажется поделиться пламенем и выразит свое недовольство?

В глубине души я полностью осознавала разумность ее доводов, но отступать было некуда: пламя дракона являлось одним из трех обязательных компонентов, необходимых для спасения Ардена, моего возлюбленного. Я вспомнила слова Веершир, жрицы змееликой богини Банрах: «Если ты будешь отважна, принесешь в храм Песка пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, если не убоишься черной богини, то, возможно, сумеешь вырвать Ардена из объятий смерти и вернуть его к жизни...» А посему я не собиралась сдаваться и намеревалась добыть пламя дракона любым способом. Пусть даже самым необычным.

Впрочем, поддержка друзей будет явно нелишней. Я решила сменить тактику и воздействовать на податливую душу Ребекки: воительница совершенно не выносила вида чьих-либо слез. Сложив губы бантиком, посмотрела на подругу снизу вверх, льстиво-умоляюще. При этом умудрилась выдавить из себя пару слезинок, исполнив это вполне достоверно, и жалобно заканючила:

— Ребекка, мне очень нужно попасть в долину Дурбан. Умоляю, пойдём туда...

— А я разве против? — беспомощно скривилась воительница. — Йона, ты только не плачь. Мы ведь обещали, что последуем за тобой всюду. Подтверди, лохматый! — Она дернула ниуэ за рукав рубашки, чуть не разорвав ее по шву. Юноша поспешно кивнул. А то ведь всем известно: если Ребекка вздумает сотворить что-то хорошее, то это хорошее она непременно сделает. И никакие жертвы и разрушения ее не остановят!

Я сразу повеселела и куда более бодрым шагом зашагала в глубь долины, заинтригованно поглядывая по сторонам.

Здесьшний ландшафт ничуть не напоминал мертвые земли, окружающие Блентайр. Местная растительность хоть и не

отличалась особой красотой, тем не менее выглядела свежей и сочной, радуя наш взор яркими предосенними красками. Деревьев в долине не наблюдалось, но склоны обоих холмов пестрели бурными зарослями шиповника и лещины, что прикрывали отверстия многочисленных пещер, изъязвивших скосы холмов. Огромные глыбы розоватого дурбанского мрамора, беспорядочно прорезающие глинистую почву, оживляли пейзаж. Они острыми пиками вздымались ввысь, а далее за ними призывно белели снеговые шапки Белых гор, величественных и важных. Основание горного хребта терялось в дымке тумана, и поэтому казалось, будто острые пики невесомо парят в воздухе. Это захватывающее зрелище производило сильнейшее впечатление, заставляя нас беспрерывно восторгаться.

— А потом мы отправимся в Запретные горы, — заявил Беонир, убирая карту обратно в сумку. — Еще дальше на север.

— Если выживем после встречи с драконами, — насмешливо хмыкнула Ребекка. — Мне бы ваш оптимизм.

— Выживем, — улыбнулась я. И, желая разрядить повисшее напряжение, шутливо спросила, по-детски пришептывая: — Папочка, а что находится дальше: Сол или Запретные горы?

— Доченька, ты уже большая девочка, — важно пробасил Беонир, мгновенно войдя в роль моего «отца», — и тебе должно быть стыдно задавать такие глупые вопросы. Подними голову и посмотри на небо. Что ты там видишь?

— Сол!

— Правильно. А Запретные горы ты видишь?

— Нет.

— Правильно. Вот и делай соответствующие выводы...

Эхо нашего дружного смеха, раскатившееся меж холмов, показалось мне чересчур громким.

— Это не эхо! — мрачно изрекла Ребекка, предваряя мой логичный вопрос. — Это... Впрочем, оглянись — и увидишь сама.

Повинуясь приказу подруги, я медленно повернулась на каблуках и шокированно замерла, замороженная видом огромной темной тени, поднимающейся с правого холма.

ГЛАВА 2

Представшее перед нами существо обладало парой черных кожистых крыльев. Зубастую голову венчал костяной гребень, мощные лапы оканчивались острыми когтями. Размеры этого создания оказались настолько внушительными, что попросту не укладывались у меня в сознании. Спланировав с холма, крылатая тварь разинула пасть и издала гулкий звук, который минуту назад я приняла за эхо. Интонации его рева несли в себе четкий оттенок издевательства.

— Забери меня Тьма! — обалдело выдохнула я. — А это что еще за чудо-юдо?

— Чтоб тебя мантикора три раза переварила! — от всей души пожелала Ребекка, на всякий случай хватаясь за мечи: явившееся создание отнюдь не напоминало безобидного кузнечика.

Беонир по своей давешней манере сначала намеревался юркнуть за крепкую спину лайил, но потом вдруг передумал, горделиво расправил плечи и пристроился рядом с воительницей, угрожающе выставив вперед свернутые в рулончик карты. На оружие этот предмет мало походил, но за неимением лучшего... Возможно, таким нелогичным способом отважный ниуэ намеревался объяснить твари, куда ей следует пойти, и даже собирался указать кратчайший путь...

Но гигантский летун не соизволил отреагировать на эскапады моих отважных друзей. Он мягко, с легкостью, удивительной для столь массивного тела, приземлился перед нами, взметнув облачко пыли. Наклонив голову, гигант уставился на меня выпуклым серым глазом, который по величине не уступал моему кулаку. Вытянув лапу, равнодушно сгреб в горсть разом Ребекку и Беонира, игнорируя их возмущенные вопли. Против него мои друзья смотрелись парой беспомощных букашек. А затем приблизил свою ехидно ухмыляющуюся пасть к моему лицу и раскрыл мощные челюсти, усаженные чудовищными клыками. Я обреченно зажмурилась, прижав к себе плаксиво попискивающую Мифрил. Даже и представить себе не могла, что закончу свою жизнь так глупо и страшно — в желудке проголодавшегося чудовища...

Но вместо того чтобы подзакусить невезучей мной, гигант вдруг задумчиво кашлянул, повернулся, дабы рассмотреть меня вторым глазом, и поинтересовался хрипловатым, но довольно приятным басом:

— Извините, девушка, случайно не вот эта ли блошка должна меня переварить? — Он обличающе взмахнул зажатými в лапе лайил и ниуэ, указывая ими на Мифрил, скромно притаившуюся в складках моего плаща.

Я оторопела.

— Вы умеете разговаривать? — наконец-то собравшись с мыслями, спросила я с благоговейным придыханием в голосе.

— Хм-м, — самокритично усомнилось чудовище. — Когда-то умел, да вот почти разучился за отсутствием практики. А что, у меня плохо получается?

— Нет, наоборот, хорошо! — зачастила я, ужасно боясь обидеть своего невероятного собеседника. — Причем вы изъясняетесь очень культурно!

Из ноздрей польщенного моим комплиментом чудовища выплыла струйка сизого дыма.

— Пожалуйста, отпустите моих друзей, — попросила я. — Обещаю, они не причинят вам никакого вреда.

— Ладно, — проворчал гигант, нехотя опуская на землю Ребекку и Беонира. — Только скажите своей хулиганке подруге, чтобы она больше не размахивала этими своими проволоками. Чуть глаза мне не выколола.

— Ах так! Я, значит, хулиганка? — взъерепенилась воительница, грозно топая ногой. — А ты сам-то кто вообще такой?

— Дракон. — Летун прижал лапу к груди и вежливо поклонился: — Разрешите представиться, меня зовут Железный Дракон!

— Тот самый? — потрясенно ахнула я, вспомнив загадочные намеки, услышанные мною в тронном зале короля Адсхорна. — Которого невозможно переговорить?

— Ну-у-у, — гигант комично уселся на землю, по-кошачьи обвив лапы длинным хвостом, — некоторые пробовали, но, не стану вводить вас в заблуждение, не смогли.

— И что с ними произошло в дальнейшем? — поинтере-

совалась Ребекка, убирая парные мечи обратно в ножны, подгибая под себя ноги и вальяжно устраиваясь напротив чюдовища. Словно хотела дать понять, что кошка здесь она.

— А ничего особенного — я их просто съел! — мило признался дракон и смущенно икнул. — Обычай, знаете ли, у нас такой.

— Ничего себе обычай! — возмущенно присвистнул Беонир. — Значит, в вашем краю увлекаются традициями, политесом, философскими беседами... Кстати, а кто вообще научил вас разговаривать?

Железный Дракон ненадолго прикрыл веками выпуклые глаза, очевидно погружаясь в приятные воспоминания.

— Много лет назад, — начал откровенничать он, — в нашу долину прибыло многочисленное эльфийское войско под командованием двух харизматических личностей. Это были молодой король Арцисс и его друг чародей Лаллэдрин. Полуночные воины намеревались забрать наш мрамор, а также покушались на наши сокровищницы. — Дракон иронично хмыкнул. — Мы сражались несколько дней, но силы противоборствующих сторон оказались примерно равными, и поэтому победа не торопилась склониться на чью-то сторону. Повелитель Полуночных обладал волшебным мечом, носящим имя Лед. Этот клинок успешно справлялся с пламенем драконов и унес жизни многих из нас. Но эльфам никак не удавалось разгромить нас полностью — драконов было слишком много. Наконец король Арцисс устал от этого бессмысленного истребления и предложил своему придворному магу научить меня говорить, дабы мы смогли лучше понимать друг друга. Лаллэдрин блестяще справился с возложенной на него задачей. Мы смогли побеседовать и в результате заключили договор нерушимого сотрудничества. Вдобавок эльфы пообещали, что с того самого мига долина Дурбан становится неприкосновенной собственностью драконьего народа и отныне называется краем Крылатых. В качестве ответной любезности мы подарили эльфам множество мраморных плит, необходимых для постройки города Блентайра. Но, к сожалению, с той поры мир сильно изменился. — Дракон тяжело вздохнул. — Человеческие маги оказались не

столь миролюбивы и мудры, как их предшественники. Они принялись истреблять нас. Причем самым вероломным способом — используя чары богини Банрах. Нам пришлось научиться прятаться в глубоких пещерах. Теперь мы выживаем как умеем и с помощью магии оберегаем свои земли от губительного натиска Пустоши. Ни ныне, ни впредь мы не желаем иметь дела с людьми. Мы презираем вашу лживую и корыстную натуру. Уже давно здесь не было ни одного представителя вашего рода. Мы полагали, вы успели забыть о нашем существовании и забыли дорогу, ведущую в долину Дурбан. Мы не нуждаемся в подобных гостях. А поэтому открой мне правду, чародейка... — Железный Дракон мрачно покосился на видневшуюся в распахнутом вороте рубашки Звезду моей души: хрустальный артефакт, знак принадлежности к гильдии Чародеев. — Поведай, с какой целью ты пожаловала в наши земли, прибыв сюда незваной и непрошеной гостьей?

«Да... Звучит более чем серьезно», — подумала я. Мне сразу стало не до шуточек. Шутить вообще нужно так, чтобы потом не было мучительно обидно за бесцельно выбитые зубы. А уж в подобной неоднозначной ситуации подтрунивать над собеседником категорически противопоказано... Я набрала в легкие побольше воздуха, словно намеревалась с головой окунуться в ледяную полынью, а затем решительно сбросила капюшон, открыв свои остроконечные уши.

— Скажи, разве я никого тебе не напоминаю, о великий повелитель драконов?

— Я стар, но пока еще не впал в маразм и склерозом не страдаю, — холодно ответил гигант. — Да, признаюсь: твои глаза, уши, волосы, а главное — черты лица буквально кричат о кровном родстве с самим королем Арциссом. Но, увы, даже этого недостаточно, для того чтобы я вспомнил о своих прежних обязательствах перед его кланом. Времена эльфов прошли, а я ничего им не должен. Поэтому уходи отсюда, эльфийка. — Он клацнул зубами. — И скажи спасибо, что отпускаю тебя целой и невредимой. Видят Неназываемые, мой народ достаточно пострадал от произвола человеческих магов, чтобы я стал помогать кому-то из гильдии Чародеев.

Уголки моих губ поползли вниз. Я была разочарована.

Худшие предположения Ребекки подтвердились: дракон отнюдь не спешил делиться с нами силой и мудростью. Окажись на моем месте кто-то другой, он бы наверняка тут же повернул назад. Но, к счастью или несчастью, я была не такой и отнюдь не собиралась сдаваться, не исчерпав весь репертуар своих возможностей.

— Не торопись, дракон! — потребовала я. В моем голосе прорезались командные нотки. — Открою тебе секрет: я не просто скромная эльфийская девочка — я являюсь Наследницей трех кланов, призванной спасти от смерти весь Лаганахар...

Но Железный вдруг утробно расхохотался, на полуслове оборвав мою пафосную речь.

— Не держи меня за ущербного дурака, девочка! — презрительно процедил он. — Признаюсь, я не меньше тебя слышан о пророчестве Неназываемых. Но я не настолько наивен, чтобы признать долгожданную Наследницу в первой же чумазой оборванке, которая по нелепой случайности забрела в долину Дурбан. — Он замолчал, взирая на меня со смесью любопытства и недоверия. Его речь несла в себе оттенок театральности: на самом деле дракона очень интересовали мои дальнейшие действия, которые должны были последовать за подобным заявлением.

Я сердито шмыгнула носом, вынужденная признать неоспоримую правоту его слов. Да, приходилось согласиться с доводами моего умного оппонента: выглядела я отнюдь не царственно, ибо частенько пренебрегала утренним умыванием по причине нехватки воды, а моя одежда загрязнилась и пропылилась. Наверное, Наследнице трех эльфийских кланов следовало бы преподнести себя иначе. Мне катастрофически недоставало ощущения собственной значимости: видимо, в глубине души все еще жила скромная сирота из приюта, не приемлющая показухи и лицемерия... Но тогда каким образом я смогу убедить Железного Дракона, что являюсь Наследницей и не присваиваю чужой титул? И вдруг меня осенило...

— А вот этот меч ты узнаешь? — ехидно осведомилась я, вытягивая из ножен упомянутый драконом Лед, отливающий холодным белым светом. — Хочу освежить твою память: именно этот клинок сильно проредил ваше племя.

Дракон недоуменно моргнул, но секунду спустя снова обрел предельно невозмутимый вид.

— Да, это оружие невозможно спутать с каким-либо иным! — признал он. — Но одного доказательства мало. Ведь мне неизвестно, праведным или неправедным путем ты завладела легендарным мечом. Девочка, извини за откровенность, но ты больше похожа на воровку и побирушку, чем на Наследницу из древнего пророчества!

Я разочарованно прикусила губу, уязвленная его насмешками. Похоже, моя хваленая способность переговаривать Железных драконов оказалась сильно преувеличена и теперь стремилась к нулю.

— Ах ты болтливая ящерица, — разъяренно завопила Ребекка, неожиданно придя мне на помощь. — Да как ты смеешь проявлять неуважение к Наследнице и разговаривать с ней в подобном тоне? Да я тебя сейчас... — Она вскочила и принялась угрожающе размахивать акинаками, наступая на дракона.

Но, увы, отважная воительница так и не успела совершить ничего судьбоносного. Одним небрежным движением огромной лапы гигант легко прижал девушку к земле, надавив ей на плечо серповидно изогнутым когтем, а затем устремил на меня пылающий негодованием взор.

— Выбирай, девочка, — лаконично приказал он, — либо я убиваю вас всех, либо вы извиняетесь передо мной, без лишних разговоров покидаете долину и навсегда забываете о ее существовании!

Я обреченно сглотнула. Подумать только, я прошла такой долгий путь, выпуталась из множества передраг — и все это ради того, чтобы мои планы потерпели крушение. Нужно набраться смелости и взглянуть жестокой правде в глаза: я не оправдала доверия, оказанного мне богом Шарро, Джайлзом, Полуденными эльфами! Надежда спасти Лаганахар рассыпалась в прах, как и мечта вернуть Ардена к жизни...

«Ни один враг не сможет победить тебя, пока ты сама не сочтешь себя побежденной!» — когда-то напутствовал мудрый охотник-полуэльф, прибывший на церемонию выбора учеников и предсказавший мне неординарную судьбу. Ду-

маю, ему не раз удавалось воплощать в действительность эту спорную истину, а посему я тоже не собираюсь сдаваться. «Не зазорно упасть сто раз, стыдно один раз не подняться!» — когда-то сказал мой друг ниуэ Зол. Полагаю, он тоже увидел во мне нечто особенное, соответствующее высокому званию Наследницы трех великих кланов, спасительницы Лаганахара. Так имею ли я моральное право разочаровать и его? Конечно же нет! А поэтому, что бы я себе ни вообразила, мне придется встать с коленей и бороться до конца. До последнего вдоха, до последней капли крови! Осознав невозможность отступления, я гордо вскинула голову и задиристо улыбнулась.

— Скажи, ты еще не сошел с ума от скуки и ничегонеделания в этой своей укромной долине? — насмешливо спросила я дракона. Тот выжидательно замер. — Знаешь, какое будущее тебя ждет? Сначала ты разучишься говорить, потом — думать, а в итоге твои соплеменники перестанут тебя уважать! — Сарказм буквально сочился с моего языка, раня больнее самого острого меча. Судя по тому, как нервозно закашлялся уязвленный дракон, я поняла, что попала не в бровь, а в глаз.

— Ты сомневаешься в моем уме и авторитете? — уточнил он, выпуская из лап Ребекку. — Девочка, опомнись! Твоя наглость переходит допустимые границы!

— Отнюдь! — весело рассмеялась я.

Краем глаза отметила, как совершенно не пострадавшая лайил поспешно отошла в сторонку, с облегчением потирая придавленную драконом руку. Воительница витиевато ругалась, но теперь Железному Дракону стало не до нее.

— Чего ты добиваешься, нахалка? — удивился он, нехотя пригибая мощную шею и заглядывая мне в глаза. — Хочешь потягаться со мной? Но это же безрассудство!

— Не совсем так, — без лишних раздумий поправила я. — Я просто намереваюсь проверить справедливость пафосного заявления, утверждающего, что тебя невозможно переговорить.

Железный весело оскалил зубы и расхохотался так громко, что с ближайшего холма скатилось несколько внушительных валунов. Мы, едва не оглохнув, испуганно присели, зажимая ладонями уши.

— Дурочка ты наивная! — почти ласково сообщил дракон. — Хочешь совершить то, что еще никому не удавалось? Изволь, я к твоим услугам.

— Заключим сделку? — быстренько предложила я. Грех не использовать такой шанс! — Если я сумею переговорить тебя, ты выполнишь любое мое желание и отпустишь нас на все четыре стороны. Идет?

— Ладно, — хмыкнул он. — Но учти. Если проиграешь ты... Если ты не сумеешь убедить меня в том, что являешься истинной Наследницей трех кланов, — вся ваша компания окажется у меня в желудке. Согласна?

— Договорились! — усмехнулась я, выразительным жестом успокаивая Ребекку и Беонира: те впали в неприкрытую панику и в отчаянии заламывали руки.

Усевшись на траву и подогнув под себя ноги, я дружелюбно улыбнулась своему потенциальному палачу:

— Начнем?

— Изволь! — любезно откликнулся дракон и улегся на живот, распластавшись таким образом, чтобы наши головы оказались на одном уровне. — Для начала поведай, зачем ты прибыла в долину Дурбан?

— Дабы достичь поставленной цели и выполнить свой долг, — не моргнув глазом, честно ответила я. — Разве не все люди стремятся к подобному?

Железный иронично фыркнул и небрежно дернул лапой, словно отмахнулся от чего-то незначительного.

— Расскажу-ка я тебе, пожалуй, поучительную историю про одного эльфийского чародея из Джалмера, — предложил он. — О том, как он стремился выполнить свой долг любой ценой и что из этого вышло...

Я согласно кивнула, безмерно заинтригованная увлекательным началом нашего опасного диспута. Железный Дракон устроился поудобнее и медленно, смакуя каждое слово, начал свой рассказ...

В стародавние времена, на которые пришелся расцвет эльфийской расы, владения трех кланов начитывали не один, а целых восемнадцать городов. Эти города змейкой растяну-

лись вдоль течения полноводной реки Алларики. Самым слабым из них считался провинциальный городок Джалмер на окраине пустыни Маграб. Понятно, что на пограничный город, если он не защищен неприступной крепостью, можно напасть с любой стороны. Позднее там возвели надежные оборонительные сооружения, но триста лет назад вокруг Джалмера красовались лишь убогие глиняные стены — верблюдом на смех. Однако смех смехом, но никакие враги не могли подступиться к городу. Ведь охранял его великий чародей Салахи. Охранял один и без оружия, только силой своего духа. Брал он за свою работу дорого — целых пятьсот серебряных риелей в день! Впрочем, за эти деньги он обещал джалмерскому князю защищать не только город, но и его самого, причем не только от врагов, но и от богов, болезней и любых несчастий. И следует признать по справедливости, что целых двадцать четыре года Салахи все удавалось блестяще: и город был в полном порядке, и князь не чихал, не кашлял. В общем, ничем тамошний государь не болел, ничего себе не ломал и чувствовал себя молодым и здоровым, несмотря на гарем из семисот требовательных наложниц, регулярный прием опиума и выкуривание восьми кальянов в день. А что тут удивительного? Ведь Салахи пообещал, что, пока он жив, с князем не случится ничего дурного. Вот князь и благоденствовал.

Каждое утро чародей обходил вокруг холм, на котором стоял город. Не просто так, а медленно и продуманно — с заклинаниями, поклонами и прочими магическими штучками. Потом он навещал князя, забирал свои пятьсот риелей, сотню разносил по храмам, еще сотню — по школам, третью сотню отдавал больницам, полторы сотни раздавал бедным и недужным, а остальное доставалось его сестре и приемному сыну Жмуре. Чародеи не имели права жениться и иметь детей, поэтому Салахи усыновил племянника и обучал его азам магического искусства. Так проходил день, а вечером чародей снова совершал обход городского холма — ежедневно, в любую погоду, без отпусков и выходных. Жители Джалмера почитали его за святого.

И вот однажды во время вечернего обхода Салахи узрел

змееликую богиню Банрах. Стремительной походкой она двигалась к городским воротам. Повелительница выглядела мрачнее тучи, а в ее руках вместо оружия блестели хирургические инструменты. С первого взгляда магу стало ясно, что это не к добру. И тогда он бесстрашно встал перед городскими воротами, преграждая богине дорогу.

— Дай мне пройти, о знаменитый чародей! — потребовала Банрах, скрежеща гнилыми зубами. — В этом городе живет мерзавец, осквернивший мою святыню! Я вне себя от гнева, и месть моя должна свершиться немедленно! Я вырежу его тупые мозги и скормлю их собакам!

— Виновный в святотатстве непременно подвергнется наказанию, — смиренно ответил Салахи, поклонившись до земли. — Но наказание должно соответствовать его вине. Расскажи мне об обстоятельствах этого дела.

— Обстоятельства повергнут тебя в ужас, — взбешенно прорычала змееликая, скальпелем вычищая засохшую под ногтями кровь. — Этот выродок посмел плюнуть на мою статую! На мою самую древнюю статую, старше которой нет во всей округе!

— Да, это тяжкий грех, — печально согласился Салахи, — но только в том случае, если он был совершен умышленно. В противном случае виновный очищается чтением молитв в честь пресветлого Шарро, а оскверненная статуя — золой, водой и пемзой. Тебе нет нужды его убивать: сегодня я совершу все необходимые очищения.

— Он не очистится даже жертвоприношением всех своих коней! — грозно нахмурившись, возразила строптивая богиня: ее сильно разозлило упоминание имени ее старшего брата. — Моя статуя валяется у него в конюшне — уже за одно это его надо четвертовать! Он давно поплевывал на нее, сам того не замечая, но сегодня ему указали на это и предупредили, чтобы он не гневил богиню. Однако подонок ничуть не раскаялся — он расхохотался и сказал: «Плевать мне на Банрах! Мой чародей защитит меня хоть от самих Неназываемых!» И харкнул уже намеренно, пнув мою статую ногой! — Змееликая демонстративно потеряла ягодицу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. НАСЛЕДНИЦА	8
Часть вторая. НЕУГАСИМАЯ ЗВЕЗДА	192
<i>Эпилог</i>	468